

Понятие времени в экономической науке

В статье, следующей ниже, рассматривается один из сложнейших вопросов, с которым сталкивается экономическая наука – понятие времени и способы его учета. Этот вопрос особенно актуален для внешнеэкономических связей, где производство и реализация продукции связаны с длительными отрезками времени.

Данная статья написана доктором экономических наук, профессором, заведующим сектором Института макроэкономических исследований Е.В. Балацким и была опубликована в «Вестнике Российской академии наук» в 2005 году. Конечно, далеко не все аспекты, касающиеся понятия времени в экономике, затронуты и разрешены в данной статье, однако она будит определенные мысли. Заставляет ставить новые вопросы. В исходный текст статьи внесены отдельные сокращения.

*

*

*

В экономической науке феномен времени сам по себе никогда не имел большого значения и уж тем более не служил путеводной нитью, которая позволила бы лучше понять все, что уже сделано человечеством. До сих пор всех интересуют конкретные экономические идеи, а не их фон, в качестве которого служит, в частности, время. Это выглядит, по крайней мере, странным.

Попытаемся совершить небольшой исторический экскурс в экономическую теорию сквозь призму фактора времени. Мы ни в коем случае не претендуем ни на исчерпывающую полноту, ни на детальную хронологию. Наша цель – показать основные вехи в понимании экономической наукой роли того «временного эфира», в котором все мы плывем с момента рождения до самой смерти.

Основная линия экономического анализа: от статики к динамике

Прежде чем рассмотреть всю панораму эволюции представлений экономистов о феномене времени, укажем, что здесь не стоит искать гладких и непротиворечивых схем. Наоборот, эта эволюция была весьма причудливой, многослойной, идущей во многих на-

правлениях параллельно, с постоянным забеганием научной мысли вперед и последующими откатами назад. Поэтому сконцентрируем внимание на идейных вехах, а не на датах.

Если бросить взгляд на экономическую теорию в ретроспективе, то легко выявить довольно четкую тенденцию: все исследования шли по пути расширения временных горизонтов анализа. Можно сказать, что экономическая наука эволюционировала от анализа статики к динамике и, если так можно выразиться, к супердинамике. Раскроем этот тезис.

Собственно научный экономический анализ с применением количественных методов начал складываться только в середине XIX в. Именно тогда экономисты начали выстраивать довольно сложные количественные схемы взаимосвязей экономических переменных. Процесс формализации экономического знания ознаменовал качественно новый этап экономического мышления, когда многочисленные разрозненные факты стали обобщаться и принимать системную форму. В этот период зарождается волна дедуктивных обобщений, непосредственным результатом которых оказались первые формулировки экономических законов. Формализация

экономического знания привела к росту универсальности всевозможных экономических обобщений, что и позволило довести их до уровня законов. Фактически именно в этот момент экономисты сделали огромный шаг от чисто созерцательной идеологии с соответствующим императивом «здесь и сейчас» к интеллектуальной традиции с масштабными обобщениями по схеме «всегда и везде». Уже на данном этапе просматривается расширение экономистами временных границ своих знаний и уход от примитивной, сиюминутной эмпирики.

Приступив к формулированию универсальных законов, экономисты, по сути дела, пытались скинуть оковы времени со своих выводов, чтобы в дальнейшем их можно было экстраполировать на любые ситуации в прошлом и будущем. Но феномен времени выступал в качестве враждебной силы, которую надо было преодолеть. Сделать же это можно было только путем выявления вневременных зависимостей, которые и принимали форму законов.

Начиная с этого момента, экономическая мысль расщепляется на две взаимосвязанные ветви анализа. Первую можно условно назвать формалистской (математической), вторую – гуманитарной (содержательной). Гуманитарная ветвь отличалась меньшей строгостью и логичностью, но она могла осуществлять опережающие забеги и при анализе захватывать большие временные срезы. Формалистская не могла себе позволить такой вольности в расширении горизонтов анализа, но зато она очень методично подминала под себя то, что лежало рядом, и доводила все экономические рассуждения до такого уровня логической непротиворечивости и строгости, что они начинали буквально «звенеть». Впоследствии сосуществование этих двух направлений сохранилось, но математическая ветвь узурпировала первенство и превратилась в основное течение.

Так сложилось, что гуманитарная ветвь анализа занималась преимущественно изучением экономической динамики, все больше и больше расширяя ее границы, а формалистская осуществляла поступательное движение в направлении экономической динамики, отталкиваясь от статики изучаемых явлений. Собственно именно в рамках

математической ветви анализа и прослеживается эволюция в расширении его временных горизонтов. Рассмотрим этот процесс подробнее.

Здесь можно выделить две большие вехи, которые, в свою очередь, можно разделить на несколько этапов. Первая веха – анализ собственно экономической статики, когда время еще отсутствовало в теориях и моделях. Дж. Хикс, в частности, так и определял экономическую статику – как некий раздел экономической теории, где исследователя не беспокоит вопрос об указании времени. Находясь в области экономической статики, мы полагаем, что предприниматель применяет столько-то факторов производства, изготавливая с их помощью столько-то продуктов. Однако мы не задаемся вопросом, когда применяются эти факторы и когда завершается изготовление продукции [1].

Статическая теория неоднородна и подразделяется на два больших раздела: обычная и сравнительная статика. В первом случае исследуется мгновенный срез процесса. Все величины подразумеваются фиксированными, то есть замороженными во времени, и статика анализируется в рафинированном, «чистом» виде. Безусловно, все переменные подобных теорий и моделей соответствуют некоему моменту времени, но он не связан ни с прошлым, ни с будущим, а потому и само время здесь сжимается в точку, которая в явном виде в анализе не фигурирует. Соответственно, такой статический анализ можно назвать «точечным». С инструментальной точки зрения, все схемы обычной статики базируются на аппарате элементарной математики.

Хотя модели и теории обычной статике являются самыми простыми и старыми с исторической точки зрения, они до сих пор в той или иной форме существуют в экономической науке. Например, в теории кредитных рисков такого рода построения по-прежнему активно используются, более того, они иногда дают интересные результаты. Примером тому служит парадокс более высокой рискованности проектов с более высоким залоговым обеспечением [2, с. 44–45]. Успешно применяются статические построения и в хозяйственной практике. Так, существует множество методик оценки кредитного рис-

ка на основе статических моделей (2, с. 23). Можно назвать и содержательные проблемы оценки номинального налогового бремени, решаемые с помощью простых процедур взвешивания налоговых ставок (3). Имеется и множество эконометрических исследований, использующих не временные, а пространственные (территориальные) статистические выборки. Это, например, ставший уже классическим эффект Б. Балассы, в соответствии с которым отношение обменного курса к паритету покупательной способности иностранной валюты снижается по мере роста душевого дохода населения (4).

Разумеется, подобные схемы обычной статистики выглядят сейчас примитивными и не лежат в русле основного теоретического направления анализа. Как правило, они либо выступают в качестве вспомогательного элемента более сложных схем, либо ориентированы на практические нужды хозяйствующих субъектов. Тем не менее как определенный этап в осмыслении экономической действительности они занимают вполне достойное место.

Модели и теории так называемой сравнительной статистики являются логическим продолжением построений обычной статистики. Внедрение в экономический анализ методов сравнительной статистики было связано с использованием более сложной математики и прежде всего анализа бесконечно малых. Использование в экономических построениях элементов высшей математики, позволившее сделать большой шаг вперед в развитии экономической теории, фигурирует в истории экономической мысли как маржиналистская революция. Начиная с этого момента, экономическая наука стала все больше пополняться геометрическими интерпретациями с применением разнообразных кривых. Рассуждения в терминах производных дали возможность изучать различные процессы и явления с учетом неодинаковой чувствительности одних экономических переменных к изменениям других.

Идеология сравнительной статистики до сих пор остается в активе. На ней базируются и теория фирмы, и теория потребления, и общая теория равновесия. Примером интересных результатов здесь может служить известное положение теории фирмы о том, что

оптимальный объем производства предприятия достигается в тех случаях, когда цены выпускаемой продукции равны предельным издержкам (5). Другой пример – исследование роли налога на добавленную стоимость в поведении производителя с учетом эластичности рыночного спроса на выпускаемую продукцию по цене (6).

Однако как бы ни были хороши модели сравнительной статистики, они продолжают все-таки линию «точечного» анализа. Время в них отсутствует, а сама возможность анализа одних переменных при вариации других основана на исследовании оптимальных решений соответствующих статических моделей. Смысл сравнительной статистики заключается в том, что некое устойчивое соотношение подвергается возмущению со стороны одной переменной. В результате остальные переменные тоже меняют свои значения. Задача сравнительной статистики состоит в том, чтобы получить «новое» соотношение между изменениями всех переменных относительно исходной точки. Таким образом, в анализе сравнительной статистики присутствуют изменения экономических переменных, но эти изменения безотносительны ко времени. Грубо говоря, никого не интересует, когда эти изменения начались, когда закончились и сколько времени продолжались, важны только величины произошедших изменений и ничего больше.

Анализ сравнительной статистики, по сути дела, представляет собой «полудинамическую» идеологию, первый шаг к изучению динамики. Совершенно ясно, что все изменения экономических переменных происходят во времени, несмотря на игнорирование сравнительной статикой самого фактора времени. В этом смысле метод сравнительной статистики очень симптоматичен для развития экономической науки, показывая, что она не могла сразу перейти от статических схем анализа к динамическим. Для такого перехода потребовалось некое промежуточное звено, в качестве которого и выступили теории, основанные на методе сравнительной статистики. Можно сказать так: в экономическом анализе нельзя было сразу перейти от безвременья ко времени. Экономическая наука и ее инструментарий должны были «переварить» намечающийся переход.

Дальнейшие построения экономической науки знаменовали уже вторую веку с анализом собственно экономической динамики. Последнюю Дж. Хикс определял как раздел экономической теории, в котором всякое количество должно быть отнесено к определенному времени (1, с. 216). На данном этапе экономисты обращают особое внимание на то, каким образом изменения в этой временной определенности сказываются на взаимодействии факторов и продуктов.

Однако и здесь невозможно было сразу осуществить все те построения, которые потенциально заложены в динамическом анализе. Первые попытки динамических построений связаны с моделированием накопления капитала и учетом процента. Здесь, пожалуй, впервые возникла стыковка различных временных периодов, а связующим звеном между разными «кусками» времени выступал процент. Параллельно с подобными построениями началось конструирование простейших динамических моделей типа модели динамики цен П. Самуэльсона, основанной на механизме нащупывания равновесия. В такой модели изменение цены зависит от соотношения спроса и предложения, причем все переменные имеют смысл для конкретного момента времени. Однако этим дело не ограничилось, и модели были усовершенствованы путем расширения временных горизонтов анализа. Упомянутая модель Самуэльсона заменяется на модель Ф. Дрэша, в которой изменение цены зависит не просто от соотношения спроса и предложения, а от этого соотношения за весь прошлый период времени (7). Другими словами, в модели ценообразования появляется своеобразная «память» рынка, через которую обеспечивается не только связь будущего с настоящим, но и непосредственная связь будущего с прошлым и настоящим.

Впоследствии межвременная связь прорабатывалась более основательно. В моделях экономического роста и потребления использовался интегральный критерий максимизации полезности. Тем самым теория учитывала роль планов экономических агентов на принятие ими хозяйственных решений. Иначе говоря, заглядывание человека в будущее стало предопределять его сегодняшнее поведение. Этот момент является ключе-

вым, поскольку в данном случае получается двусторонняя межвременная связь: не только прошлое определяет настоящее, но и будущее сказывается на настоящем. Если первая стрела времени, направленная из прошлого в настоящее, была вполне естественной, то вторая стрела, направленная из будущего в настоящее, до сих пор представляется чем-то весьма оригинальным. Кроме того, в подобных моделях варьировалось время, по которому шло интегрирование полезности: оно либо принимало конкретное значение, либо равнялось бесконечности. Таким образом, временной горизонт стал, можно сказать, неограниченным.

Наряду с этим набирала обороты проблема дисконтирования. Все величины на длинных промежутках времени начали измеряться с помощью соответствующих дисконтирующих функций. Экономическая наука окончательно постулировала тот факт, что одна и та же экономическая переменная в разные периоды обладает разной «силой», учет которой необходим в полноценном анализе.

Классическими моделями, основанными на синтезе прошлого, настоящего и будущего, являются модели перекрывающихся поколений и модели адаптивных и рациональных ожиданий. В прикладных эконометрических моделях подобного типа возникает и такое понятие, как «глубина» памяти системы. Например, система может учитывать положение дел, которое имело место три, четыре или более лет (месяцев, дней и т.д.) назад.

Логическим следствием динамического анализа стало появление многочисленных теорий циклов и колебаний. Любопытно, что, как правило, сначала появлялись общие схемы циклов (графические и вербально-логические) и только затем их математические модели. То есть гуманитарная мысль и здесь опережала формально-математическую. Создание теории циклов ознаменовало осознание экономистами факта существования качественно различных фаз и стадий развития системы, которые, с одной стороны, являются следствием влияния фактора времени, а с другой — они самим же временем и связаны, «склеены» между собой.

Настоящим апофеозом осознания самостоятельной роли времени стало формирование новой идеологии экономической теории, которая рассмотрение всех экономических явлений проводит в краткосрочном, среднесрочном и долгосрочном аспектах. Как оказалось, на разных временных горизонтах действуют совершенно разные хозяйственные механизмы и экономические законы. Типичным примером служит процесс формирования валютных курсов, где очень четко просматриваются абсолютно разные, не сводимые друг к другу схемы и законы на коротких, средних и длинных дистанциях (8, с. 57): каждый временной «слой» существует сам по себе, подчиняется своим законам и оперирует своими факторами. Скажем, в краткосрочном периоде с временным квантом в один день и менее для прогнозирования валютных курсов нужно использовать модели биржевых торгов и валютных экспектаций; в среднесрочном периоде с временным квантом от одного месяца до года целесообразно применение теории капитальных активов и моделей, учитывающих внешнеторговые потоки: в долгосрочном периоде с временным квантом длительностью от одного года следует воспользоваться теорией паритета покупательной силы и моделями эффективности внешнеторговых операций (8, с.58). объединение трех временных слоев в рамках общей теории невозможно.

Разумеется, деление экономической динамики на краткосрочный, среднесрочный и долгосрочный периоды во многом условно. Кроме того, отсутствует жесткая градация, где кончается один временной срез и начинается другой: в каждом случае действует, как правило, своя разбивка. И все же такое представление о наличии своеобразной «временной дихотомии» в протекании экономических процессов революционно по своей сути, ведь сегодня уже ясно, что время является самостоятельной силой экономического анализа. Оно полностью предопределяет выбор того спектра механизмов и законов, с которыми необходимо работать на том или ином временном интервале. Примечательно, что в экономике и сейчас еще происходят аналитические недоразумения при игнорировании факта «временной дихотомии» или при неправильном делении процессов на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные.

Следующей и, пожалуй, последней вехой в расширении временных границ анализа можно считать институционализм в его нынешнем виде. Данное направление занимает особое место в экономической науке. С одной стороны, оно противостоит основному направлению анализа с его мощным модельным инструментарием, с другой – дополняет и обогащает его, особенно если речь идет о новейших институциональных моделях и теориях. Происходит объединение количественных и качественных аспектов развития экономической системы, что оказалось возможным только благодаря «удлинению» временного промежутка проводимого анализа. Институционализм имеет дело не просто с каким-то аспектом экономической динамики (краткосрочным, среднесрочным или долгосрочным), а с длительной эволюцией системы, когда многократно изменяется «лицо» экономики, ее институциональные и технологические основы. Такие временные траектории можно называть историческими или цивилизационными, ибо они содержат в себе множество качественно различных социально-экономических эпох.

Особый интерес представляет генезис институционализма, который возник в недрах гуманитарной линии экономического анализа и потому долго противостоял математической ветви теории. Однако сейчас он, по сути, уже слился с основным экономическим течением, приняв во многих своих ответвлениях математическую форму. Кроме того, институционализм был полностью признан и получил достойную оценку в научных кругах. Однако это произошло только в конце XX в. В данной связи с методологической точки зрения чрезвычайно любопытен вопрос: почему институционализм получил признание так поздно?

Как ни странно, но ответ на этот вопрос имеет «временное» звучание: потому что методология институционализма выступала в роли аналитического инструмента «удлинения» временной шкалы экономического анализа; прежде такие временные горизонты экономической наука просто не рассматривала. В каком-то смысле сообщество экономистов должно было дозреть до анализа столь масштабных проблем и обширных временных горизонтов. Из сказанного ни в коем случае не вытекает, что исторический ракурс эко-

номических проблем был чужд экономистам более раннего периода (классический пример – теория К. Маркса об общественно-экономических формациях). Речь о другом: раньше их схемы не принимали такого совершенного в модельно-математическом смысле вида.

Было бы неверно говорить о полной интеграции институционализма в основное течение анализа, так называемый мейнстрим. Хотя тенденция к синтезу налицо, противоречия между ними еще остаются. Для нас главное состоит в другом: основное течение научной мысли уже оперирует проблемами не просто динамики, а супердинамики (истории), а экономисты теперь плавают в ничем не ограниченных просторах временного эфира.

Время как экономический ресурс («время - деньги»)

Выше мы рассмотрели лишь один аспект эволюции представлений о времени в экономической науке, который связан со своеобразным расширением «сферы» временного эфира, увеличением ее радиуса действия и осознанием ее многослойности (качественной неоднородности). Данный аспект очень важен, но он не единственный. Представления о времени эволюционировали еще в одном направлении, а именно: время стало использоваться в качестве одного из важнейших экономических ресурсов. Можно сказать, что шла своеобразная материализация благами, товарами и услугами и приобрело тем самым некоторую экономическую тяжеловесность.

Аналогию данного аспекта осмысления времени в экономической науке можно найти в теории относительности. В классической физике наряду с тремя пространственными координатами время фигурировало в качестве всепроникающего эфира. Изменение пространственных координат происходило во времени, то есть время было неким первичным параметром физической реальности, хотя в некоторых случаях выступало наравне с пространственными характеристиками. Теория относительности окончательно изменила этот взгляд, введя время в

качестве самостоятельной координаты и перейдя тем самым к рассмотрению четырехмерного мира. В этой новой теории все процессы по-прежнему протекали во времени, но теперь само время взаимодействовало с другими координатами, создавая пространственно-временной континуум. Аналогичным образом на определенном этапе в экономической теории появилось понятие времени как особого ресурса. В инструментальном плане это означало, что время из пассивного параметра превратилось в активную экономическую переменную, которая сама сложным образом связана с другими переменными и изменяется.

Наверное, идеология рассмотрения времени в качестве экономического ресурса в науке сформировалась гораздо позже, чем в деловых кругах. Действительно, в период становления современного капитализма повсеместное распространение приобрел лозунг «время – деньги». Уже тогда в сознании человечества зародилась идея капитализации времени и вовлечения его в общий рыночный кругооборот. С определенным запозданием эта идея пришла и в экономическую науку.

Впоследствии время как ресурс стало не просто включаться в аналитическую схему, но и сделалось своеобразной ресурсной основой всей теории. Пожалуй, первой зрелой попыткой редукции всех процессов и явлений к временному фактору была осуществленная К. Марксом редукция экономики к рабочему времени: все процессы (создание стоимости и прибавочной стоимости, процесс эксплуатации и пр.) выражались в единицах рабочего времени.

Позже время было введено в оборот в рамках теории потребления, где помимо рабочего времени стало фигурировать свободное время (досуг), которое имело свою субъективную полезность. С учетом того, что увеличение досуга означает уменьшение рабочего времени и заработков человека, в теории потребления прослеживается четкая связь между потребляемыми товарами и досугом. Уже на этом этапе понятна роль времени как важнейшего экономического ограничения не только производства, но и процесса потребления.

Построенная Г. Беккером новая теория потребления сделала очередной шаг в вовлечении времени в экономический оборот. Свободное время человека стало рассматриваться как ресурс для производства в рамках домохозяйства различных конечных благ. Чтобы получить удовольствие от музыки, чтения литературного произведения и т.д., индивидуум должен затратить определенное количество свободного времени. Можно сказать, что на этом этапе развития экономической теории имела место редукция потребления к свободному времени. В такой обогащенной экономической теории совокупный фонд времени (рабочее время плюс досуг и сон) оказывается ведущей движущей силой всего экономического кругооборота, включая процессы производства и потребления.

Теория Беккера, несмотря на свою естественность и кажущуюся очевидность, возникла довольно поздно. Почему это не произошло раньше? Ответ опять-таки прост и имеет временное звучание: раньше экономисты еще не осмеливались препарировать время путем его капитализации. Лишь относительно недавно аналитики отважились говорить о цене времени (пусть о некоей «теневой» цене, но все же цене), его производительности и продуктивности (9). Только во второй половине XX в. были разработаны соответствующая терминология и адекватный аналитический аппарат для того, чтобы рассуждения о рынке времени могли быть действительно тонкими и оформиться в изящные теоретические схемы.

Сейчас предпринимаются попытки интегрировать свободное время в общую теорию экономического равновесия путем введения еще одного специфического рынка, на котором устанавливаются спрос, предложение и цена свободного времени. Здесь особенно ярко проявляется «координатная» функция фактора времени: помимо n товарных и денежных рынков (можно сказать n координат) в рассмотрение вводится дополнительный $(n + 1)$ -ый рынок свободного времени (дополнительная координата), и благодаря этому все рынки оказываются тесно связанными между собой (10, с. 1021). Такой подход позволяет показать, что рынок времени способен выступать в качестве балансирую-

щего элемента экономического равновесия, и без его участия довольно трудно сформировать правильное представление о многих сложных экономических процессах. В частности, состояние рынка свободного времени (наличие избыточного спроса или избыточного предложения) лежит в основе функциональных различий между капиталистической и социалистической системами хозяйствования (10, с. 1023).

Время теперь рассматривается не как эфир, в котором протекают все процессы, а как нечто самостоятельное и зримое. Оно приобрело предметность и весомость, будучи само зависимо от множества экономических переменных и механизмов. Структура совокупного фонда времени формируется другими факторами, влияя при этом на все прочие процессы. Таким образом, в экономической науке время стало самостоятельной «ресурсной координатой» экономического рынка, сохранив за собой и функцию временного эфира.

Временные возмущения и неоднородность времени («время – дороже денег»)

Еще одним направлением эволюции представлений о времени было осознание его необратимости. Можно сказать, что экономическая наука постепенно подошла к формированию понятия «стрела времени». На этом этапе также прослеживается четкая аналогия с развитием физики. Так, идеи И. Пригожина о диссипативных процессах и необратимости физического времени практически полностью были перенесены в экономику.

Классическим примером роли необратимости времени служит новейший институционализм, который вскрывает связи между институциональной (правовой) средой страны и поведением индивидуума и экономики в целом. Институциональные рамки выступают в качестве ограничений поведения человека и тем самым способствуют формированию того или иного образа действий. Вместе с тем экономические действия хозяйствующих субъектов ведут к изменениям в самих институтах. Возникает клубок пря-

мых и обратных связей, который раскручивается вперед по шкале времени с вполне определенными результатами. Если изменить исходные институциональные условия, клубок раскрутится во времени с совершенно иным результатом. Этим обстоятельством объясняется, в частности, тот факт, что одни страны – бедные, а другие – богатые. Именно различием в эффективности институциональной системы, сложившейся еще в конце средневековья, Д. Норт объясняет разный уровень экономических достижений североамериканских и латиноамериканских стран: первые переняли более прогрессивную и эффективную английскую институциональную модель, а вторые – централизованную бюрократическую систему Испании и Португалии (11). Следовательно, выбор начальных условий с течением времени приводит к очень разным и необратимым результатам.

Надо сказать, что книга Норта «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» во многом обескураживает и даже пугает, ибо в ней на редкость ярко показана сложность процесса и механизма принятия хозяйственных решений. Любые, в том числе незначительные различия в такой сверхсложной системе за длительное время могут привести к огромным различиям в финальной точке исторического периода.

Таким образом, институционализм со своим историческим подходом показывает, что время не является обычным параметром экономической системы, который может изменяться в любую сторону. Наоборот, время может изменяться только в одну сторону – в сторону увеличения; движение в обратную сторону невозможно точно так же, как невозможен возврат в прошлое.

Экономическая наука осознала, что движение только в одну сторону по «стреле времени» не спасает от проблем, так как время по-разному влияет на экономические переменные в зависимости от направления их движения (вверх или вниз). Сейчас эмпирически и теоретически обоснован факт временной асимметрии большой конъюнктурной волны Н. Кондратьева. Так, для четырехфазного кондратьевского цикла в 55 лет длительность его фаз составляет 10, 14, 16 и 15 лет (12). Похожая асимметрия присутствует в рефлексивном цикле Дж. Сороса:

подъем экономического показателя (например, курса акций) на финансовом рынке происходит медленно и постепенно, а падение – быстро, катастрофически; период подъема по длительности превосходит период спада (13, с. 114). Нечто еще более интересное наблюдается в приложении рефлексивного цикла к истории: в одних случаях причиной кризисов выступают слишком медленные изменения реальной среды, а в других – слишком быстрые (13, с. 153). Типичные примеры – распад Советского Союза, произошедший из-за слишком медленной адаптации идеологии к действительности (13, с. 150), и валютный кризис 1998 г., вызванный слишком быстрыми сдвигами в идеологии.

Еще более яркое деформационное влияние времени просматривается в теориях институциональных и технологических ловушек, базирующихся на таком понятии, как гистерезис. Последний предполагает асимметрию влияния одной переменной на другую в зависимости от направления изменения первой переменной (увеличение или уменьшение) (14). В экономике эффект гистерезиса встречается особенно часто. Например, если налоги слишком сильно повысили и тем самым стимулировали процесс уклонения от их уплаты, то обратное снижение налогов до прежнего уровня уже, скорее всего, не сможет ликвидировать начавшийся уход налогоплательщика в тень.

В примерах подобного рода хорошо проявляется факт необратимости времени, поэтому вполне правомерно утверждать, что экономические теории, включающие механизм действия прямых и обратных связей, привели к формированию совершенно новой идеологии в отношении ценности времени, которая может быть выражена следующим афоризмом: «Время дороже денег, потому что деньги приходят и уходят, а время – только уходит». Пожалуй, на этом этапе развития экономической науки окончательно открылась роль упущенного времени, что знаменовало новое отношение к фактору времени.

В случае эффекта гистерезиса мы сталкиваемся с «эфирным» свойством времени, когда экономические процессы при изменении направления «стрелы времени» протекают неодинаково. Не менее важным и интересным представляется «ресурсное»

свойство времени, когда изменение временного показателя полностью изменяет дальнейший ход истории. Это, например, процесс выхода фирмы из состояния институциональной ловушки, когда длительность периода планирования ее деятельности предопределяет, выйдет она из ловушки или останется в ней (15). Аналогичные закономерности действуют и при выходе предприятия из технологической ловушки, когда принимается принципиальное решение о смене производственных технологий (16).

Рассматриваемые выводы теории институциональных и технологических ловушек можно переформулировать следующим образом: слишком большой оптимизм хозяйствующего субъекта, выражающийся в заглядывании им в слишком далекое будущее и в построении долгосрочных стратегий, может принципиально изменить его сегодняшнее положение, а следовательно, и само будущее. Иными словами, история отдельных экономических агентов и общества в целом раслаивается в зависимости от того, какой величиной горизонта планирования они оперируют.

Есть еще один аспект теории институциональных и технологических ловушек, когда мы рассматриваем общество в качестве неоднородной системы, состоящей из множества хозяйствующих участников. В соответствии с этими теориями одна часть участников переходит на новые условия хозяйствования, а другая остается в прежнем состоянии. В результате возникает интересный процесс: одна часть экономики плывет вперед, другая стоит на месте до тех пор, пока ее не сметет научно-технический и институциональный прогресс. Здесь уместна следующая аналогия: посреди реки с бурным течением образуются несколько водоворотов, в которые попадают отдельные песчинки; все плывет вперед, а песчинки крутятся на одном месте. Подобно тому, как эти песчинки оказываются не подвластными течению, отдельные фирмы и страны иногда оказываются не подвластными течению, отдельные фирмы и страны иногда оказываются неподвластными времени, образуя зоны устойчивости во «временном эфире» и блокируя позитивные силы эволюции.

Формирование научной идеологии: замыкание методологического цикла

В экономике всегда имеются некие критические значения всевозможных переменных и параметров, которые «расщепляют» систему на два функциональных режима: с одной стороны критической точки действует один эффект, с другой – прямо противоположный.

Понятно, что все переменные и параметры экономической системы постоянно изменяются. Следовательно, с течением времени меняются величина критических точек и место экономической системы относительно этих точек. Отсюда вытекает очевидный вывод: универсальные рекомендации для всех экономик и во все времена невозможны.

На первый взгляд, такой вывод вполне естествен. Однако это не так. Как уже отмечалось, на самом первом этапе своего развития экономическая наука придерживалась примитивного методологического императива «здесь и сейчас». Экономисты имели дело в основном с набором фактов и не стремились вывести из них далеко идущие следствия. Все последующие развитие науки, вплоть до наших дней, шло в соответствии с более прогрессивной методологической парадигмой «всегда и везде». Установление универсальных принципов и фундаментальных законов надолго стало самой сутью экономической науки. И все же этот период закончился, и сегодня окончательно возобладал прежний методологический принцип «здесь и сейчас». Экономисты осознали изменчивость хозяйственного механизма и, следовательно, условность и относительность экономического знания. Сейчас экономическая наука снимает претензии о фундаментальности и нетленности своих результатов (17). Происходит возврат к старой методологической доктрине, но, разумеется, на новой основе.

Сам переход к исследованию конкретики, а не каких-то общих закономерностей имеет свои исторические истоки и важные инструментальные последствия. В историческом плане корни современной парадигмы «здесь и сейчас» кроются в крахе мировой

системы социализма. Стало ясно, что наука не могла предсказать последствий такого перехода хотя бы потому, что в разных странах эти последствия были принципиально различными. Сегодня погружение в конкретику инициируется необходимостью принятия важных макроэкономических решений о том, как пользоваться теми или иными инструментами государственного регулирования. Как оказывается, ответ на эти вопросы в определяющей степени зависит от стадии развития изучаемой экономики.

Что касается инструментария экономической науки, то он тоже сильно изменился и продолжает меняться. Уже сейчас намечается отказ от использования серьезной математики в экономических исследованиях, а следовательно, и от формулировки и доказательства сложных математических теорем. Такой отход от главного орудия экономической науки связан с низкой практической значимостью традиционной экономической теории. Значительно больше привлекают исследования и модели, имеющие непосредственный практический интерес. С этой точки зрения, наблюдаются два заметных сдвига в прикладном инструментарии: усиливается компьютерное моделирование экономики, предполагающее более тонкое воспроизведение всех связей конкретной системы и активный эксперимент с построенной моделью; развивается нелинейное эконометрическое моделирование, предполагающее построение таких регрессионных зависимостей на основе конкретных данных, которые предполагают нелинейные связи между переменными [18]. Оба вида инструментария были известны и освоены давно, но сейчас происходит их своеобразное второе рождение.

«Временной анализ» экономической науки имеет и чисто онтологическое значение, так как позволяет прикоснуться к самым таинственным, сущностным вопросам социально-экономического бытия. Как говорил Джек Лондон, «материя и сила – вот вечные загадки Вселенной, и они проявляют себя в загадке пространства и времени. Проявления – не загадка; загадочны только их основы – материя и сила, да еще арена этих проявлений – пространство и время» [19]. Возможно, что осмысление феномена времени поможет лучше понять экономическую вселенную.

Литература:

1. Хикс Дж. Стоимость и капитал. М.: Прогресс, 1993. С. 216.
2. Богданова А.Е. Управление кредитными рисками. М.: ИМЭИ, 2000.
3. Балацкий Е.В. Воспроизводственный цикл и налоговое бремя // «Экономика и математические методы», №1, 2000. С. 10, 11.
4. Волконский В.А., Кузовкин А.И. Диспаритет цен в России и мире // «Проблемы прогнозирования», №6, 2002. С. 11.
5. Интрилигатор М. Математические методы оптимизации и экономическая теория. М.: Прогресс, 1975. С. 225.
6. Соколовский Л.Е. Налог на добавленную стоимость и предприятие, максимизирующее прибыль // «Экономика и математические методы», №4, 1994. С. 587.
7. Балацкий Е.В. Переходные процессы в экономике (методы качественного анализа). М.: ИМЭИ, 1995.
8. Балацкий Е.В. Факторы формирования валютных курсов: плюрализм моделей, теорий и концепций // «Мировая экономика и международные отношения», №1, 2003.
9. Капелюшников Р.И. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию // Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
10. Балацкий Е.В. Свободное время как фактор экономического равновесия // «Вестник РАН», №11, 1999.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 133.
12. Дубовский С.В. Цикл Кондратьева как инновационно-экономический маятник с социальными последствиями // «Экономика и математические методы». №1, 1994.
13. Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. М.: Некоммерческий фонд поддержки культуры, образования и новых информационных технологий, 2001.
14. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы

// «Экономика и математические методы», №2, 1999. С. 8.

15. Балацкий Е.В. Функциональные свойства институциональных ловушек // «Экономика и математические методы», №3, 2002.

16. Балацкий Е.В. Экономический рост и технологические ловушки // «Общество и экономика», №3, 2000.

17. Балацкий Е.В. Конец науки по Дж. Хоргану // «Науковедение», №3, 2002.

18. Балацкий Е.В. О природе экономических открытий: прошлое, настоящее, будущее // «Науковедение», №2, 2002.

19. Лондон Дж. Маленькая хозяйка большого дома; Джон – Ячменное зерно; Алая чума. Харьков: 1994. С. 244.

Публикацию применительно к журналу «РВВ» подготовил соб. инф.

Внешнеэкономический комплекс России: современное состояние и перспективы, № 1

Редактор, директор всероссийского научно-исследовательского конъюнктурного института А.Н. Спартак

Научный консультант, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИМЭМО РАН И.С. Королев

– М.: ВНИКИ, 2006. – 174 с.

Вышел очередной номер «Внешнеэкономического комплекса России», издаваемый ВНИКИ. Это издание выходит один раз в полгода. В основном все материалы отражают полные итоги за 2005 год.

В данном выпуске содержание составили традиционные рубрики (см. рекламки по предыдущим номерам.)^{*}

Специальные обзоры написали в данном выпуске:

- А.Е. Лихачев. Двусторонняя экономическая дипломатия в условиях глобализации.
- А.А. Круглов. Содержание и основные составляющие международной экономической безопасности в условиях глобализации.
- Д.С. Долгов. Экономическое пространство как новая форма интеграционных процессов.
- Б.Ю. Агабабов. Арбитражные процессы в рамках ВТО как важный фактор преодоления дискриминации в международной торговле.
- А.Е. Лихачев. Условия формирования и институциональные основы современной экономической дипломатии России.
- С.В. Шепелев. Современные тенденции вывоза частного капитала из РФ.
- А.Т. Никонов. Изменения налогового законодательства России с 1 января 2006 года.
- А.Н. Спартак. Направления и формы участия государства в развитии экспорта на различных этапах российской истории.

Статистическое приложение содержит XXVI таблиц.

Ознакомиться с изданием «Внешнеэкономический комплекс России» №1 за 2006 год можно в библиотеках ВНИКИ и ВАВТ.

^{*}В главе 4 «Регулирование иностранных инвестиций» говорится на этот раз о законодательстве РФ в области концессионного сотрудничества.